

Фельдман М.А., профессор
кафедры государственного управления и
политических технологий
Уральского института управления

К вопросу об участии рабочих Петрограда в революционных событиях октября 1917 г.

Приближение столетнего юбилея Октябрьской революции 1917 г. подталкивает к определенному подведению итогов исследований, по проблеме характера, движущих сил, значения революции в России и в отдельных ее регионах. Особое место в изучении революционных событий Октября 1917 г. занимает характеристика рабочих столицы Российской империи. Отмеченная особенность детерминирована рядом факторов. Во-первых, в 1905 г., в июле 1914 г., и в дважды в 1917 г. определенная часть питерских пролетариев инициировала политические забастовки, иные формы политической активности, давшие импульс трем (!) революциям в России. Очевидно, что перед нами феномен особого социума в рабочей среде.

Во-вторых, речь идет о наиболее многочисленном региональном отряде промышленных рабочих России. Петербург (Петроград) отличался сосредоточением крупных современных заводов; концентрацией ведущих машиностроительных и механических предприятий. Характерно, что почти пятая часть (17,5%) металлистов европейской части России трудилась в Петербургской губернии, главным образом в Петербурге¹. Все это оборачивалось тем, что *по степени вовлеченности в индустриальный труд* промышленные рабочие столицы существенно отличались от рабочих всей страны в целом. В-третьих, городские переписи 1900 г. и 1902 г.; материалы профсоюзного обследования 1908 г. дают основу для научного анализа социального состава рабочих «северной столицы» к 1917 г.

Наконец, в трудах исследователей, опубликованных в годы советской эпохи, (прежде всего, Л.М. Иванова, Э.Э. Крузе, Н.А. Ивановой, В.И. Старцева, Ю.И. Кирьянова, П.В. Волобуева) явно прослеживаются лучшие черты российской исторической школы: опора на обширный и разносторонний статистический материал; самостоятельность научных обобщений, пусть даже и ограниченная господствующими идеологическими концепциями.

При всей бесспорной значимости работ постсоветской эпохи, обращенных, главным образом, к проблемам политического сознания рабочих Петрограда – выделю монографии А.В. Гоголевского и С.В. Ярова – именно в 1960-1970-е гг. (на волне «оттепели» и ее инерционных импульсах) были заложены основы современной рабочей истории России, позволяющие сегодня выходить на новый уровень обобщений.

Л.М. Иванов сделал достоянием научной общественности результаты городской переписи Петербурга 1900 г, когда при опросе рабочих лишь 18 % из них назвали себя потомственными; 82 % рабочих столицы являлись рабочими в первом поколении². В 1902 г. в петербургской промышленности «пришлых» рабочих насчитывалось 90 %. Закономерность такого явления объясняется тем, что в Петербурге и Петербургской губернии треть всех предприятий, существовавших к 1902 г., возникли в 1891–1900 гг. Эта же группа предприятий отличалась стремительным ростом производственных мощностей в последнем десятилетии XIX в.³

Как и по всей России, индустриализация носила антигуманный, бесчеловечный характер, вне связи с конкретным политическим режимом. В фабрично-заводской промышленности России, даже по официальным, явно заниженным данным, число несчастных случаев стремительно росло: с 14,6 на 1000 рабочих в 1901 г. до 45,8 в 1912 г. При этом полную или частичную инвалидность повлекли за собой 170 из 1000 несчастных случаев в 1901 г. и 240 в 1908 г.⁴ Несмотря на рост механизации производственных процессов, потери рабочего времени в год на одного рабочего оставались стабильно высокими: в 1885 г., 1904 г., 1913 г. они составляли 19 дней⁵.

Заметным существенным отличием столичных рабочих являлись жилищные условия проживания. Абсолютное большинство столичных рабочих проживало на площади в 3 кв. метра и менее. 10-30 % квартир рабочих размещались в подвалах и полуподвалах. От 1/6 до 1/3 всех помещений были холодными⁶. В большинстве случаев, в подобных жилищах рабочие не успевали восстановить свои силы. Парадокс российской истории: рабочие передовых, по меркам первых десятилетий XX в., предприятий столицы оказались в жизненных условиях намного более трудных, чем у большинства промышленных рабочих российского государства⁷.

По данным переписи 1918 г., до революции 1917 г. лишь 16,5 % из фабрично-заводских рабочих столицы имели связь с деревней, причем только 7,6% рабочих вели свое хозяйство⁸. Сравнение этих показателей с картиной связи рабочих с землей в Центральном промышленном и Центральном земледельческом районах, где к 1914 г. доля рабочих, имевших землю превышала 40 %⁹; не говоря уже об Урале, где в конце XIX в. 71,3 % рабочих имели

земельные участки свыше 0,5 дес.¹⁰ (к 1917 г., несмотря на рост численности горнозаводского населения, дробление семей эти показатели практически не изменились)¹¹ – наглядно демонстрирует *большую степень пролетаризации* рабочего социума Петрограда.

Между тем, сохранение участка земли, связей с деревней позволяло рабочим-вчерашним крестьянам «создавать систему общественных связей, которая сглаживала их дезорганизацию и склонность к нарушению закона, поскольку у новых рабочих было меньше мотивов взять на себя риск забастовок, чем у тех, чье будущее было связано только с городом»¹².

Закономерно, что в силу названных причин, срок работы на промышленных предприятиях Петрограда у большинства рабочих (56,1%) в 1917 г. не превышал десяти лет; (у неквалифицированных рабочих этот показатель составлял 73,3%)¹³: затем вариант жизненной судьбы включал или инвалидность, или раннюю смерть, или возвращение в деревню. Приведенные данные свидетельствуют не только о неустоявшемся составе и социальном облике значительной части пролетариата Петербурга, но и о потенциально повышенной степени социально-психического возбуждения.

Перенапряжение от тягот Первой мировой войны; от осознания военных поражений; с каждым годом усилившееся понимание ее бессмысленности, вызывали растущее неудовольствие в рабочей среде¹⁴. В сочетании с заговором военных элит и руководства буржуазных партий¹⁵, антивоенной пропаганды социалистических партий – все это создавало предреволюционную ситуацию. Поводом для взрыва антиправительственных настроений рабочих Петрограда в конце февраля 1917 г. стало нарушение продовольственного снабжения. Но подлинными причинами стали все перечисленные выше особенности столичного пролетариата, умноженные на потрясения военных лет.

Тем не менее, главным детонатором событий 1917 г. стала армия, где оказались от шестисот тысяч до одного миллиона промышленных рабочих. Армия представляла собой гигантскую социальную массу: на фронте солдат и офицеров – насчитывалось 9620 тыс.; еще от 1,5 до 2,3 млн. солдат и офицеров находились в запасных частях военных округов. Воинские части действующей армии понесли огромные потери, пережили тяготы отступления и поражений. Наиболее частым диагнозом тех, кто успел повоевать, был психический невроз; многие фронтовики были подвержены депрессивному состоянию¹⁶.

События Февральской революции открывали два возможных пути развития России: по линии нарастания революционного хаоса, либо по дороге

создания демократического государства. Как известно, Временное правительство учредило при Министерстве торговли и промышленности особый отдел труда, приступивший к работе с 15 марта 1917 г. Не сразу, но, тем не менее, рабочие и предприниматели получили в нем равное представительство¹⁷. В апреле 1917 г. особый отдел труда при Министерстве торговли и промышленности был преобразован в Министерство труда, ставшее официальным руководителем и проводником рабочей политики Временного правительства. Фактическим его лидером был меньшевик П.Н. Колокольцев, сторонник тред-юнионизма; официальным — эсер М.И. Скобелев. Позитивную роль в определенном успехе переговоров по вопросу увеличения оплаты труда сыграла специальная комиссия Временного правительства. Сами предприниматели оценивали увеличение заработной платы весной 1917 г. показателем в 50 % по сравнению с дофевральским периодом¹⁸. Особенно сильно возросла оплата труда низкооплачиваемых категорий рабочих (на 150-200 %). В результате произошло выравнивание оплаты труда между квалифицированными и неквалифицированными категориями рабочих, характерное для уравнительных тенденций всякой народной революции. В целом за первые четыре месяца после февраля 1917 г. был завоеван 8-ми часовой рабочий день, повышена заработная плата, улучшены общие условия труда. Были утверждены и стали обычной нормой демократические права рабочих на производстве. Рабочие организации превратились в большую силу на предприятиях. Удалось не только затормозить падение производства, но и несколько поднять его¹⁹.

С принятием 5 августа 1917 г. **«Положения о примирительных камерах»** создавалась и законодательная основа для установления социального партнерства на промышленных предприятиях. С лета 1917 г. в стране наметилась тенденция к организации примирительных камер при отраслевых профсоюзах. Так рождался один из потенциальных путей социального партнерства. На многих предприятиях примирительные учреждения в марте – июне 1917 г. выполнили свою задачу: смогли направить процесс трудовых отношений в правовое русло и предотвратить проявления самоуправства с обеих сторон²⁰. Во многом благодаря активности примирительных камер и взаимодействию этих учреждений с Советами удалось стабилизировать производственную деятельность промышленных предприятий.

Однако противодействие большевистских организаций отрицательно сказалось на утверждении в социальной практике примирительных процедур, подталкивая рабочих на более жестокие методы борьбы и большую восприимчивость к большевистской пропаганде. В силу этого роль примирительных камер оказалась более скромной.

Переговорный процесс продолжался до июля 1917 г. и позволил заметно сократить масштаб забастовочного движения. Статистика забастовок, свидетельствует о незначительном характере забастовочного движения в России. Так в период с 19 апреля по 6 июля 1917 г. в забастовках приняли участие менее одной шестой части рабочих промышленности России²¹. Анализ статистических материалов забастовочного движения за период 1895-1917 гг., свидетельствует, во-первых, о снижении в разы числа бастующих рабочих и потерянных рабочих дней в марте – сентябре 1917 г. не только в сравнении с январем – февралем 1917 г., но и с 1916 г.²² Во-вторых, тот факт, что 70,7 % потерянных из-за стачек и забастовок рабочих дней в марте – сентябре 1917 г. приходилось на *протестные акции экономического характера*²³ – подтверждает тезис о самостоятельности интересов и действий рабочего социума в стремительных событиях революции 1917 г. В-третьих, если в дореволюционный период (1895-1916 гг.) доля забастовок, закончившихся для рабочих безрезультативно, составляла 40,7 %, то в марте - сентябре 1917 г. она снизилась до 28 %²⁴.

Неустойчивость достигнутого в марте -июне 1917 г. уровня социального партнерства определялась рядом факторов. Сказывались слабость профсоюзного движения; сохранение очагов социального напряжения там, где предприятия в период Первой мировой войны переживали кризисные явления. В тех случаях, когда правительство принимало законы о труде, например, о биржах труда, примирительных камерах, они носили догоняющий характер, закрепляя то, что уже существовало. Но согласие, вырванное силой, вне переговорного контекста, потенциально чревато ростом социальной напряженности.

Главной же проблемой в отношениях Временного правительства и рабочих, оставался вопрос о продолжении войны. Сама концепция экономической политики Временного правительства брала за образец опыт жесткого государственного регулирования в Германии и воюющей России. Отсюда реализация законов о труде наталкивалась на милитаризацию экономики и массовые призывы в армию и в 1917 г. Без сомнения, промышленные рабочие России оценивали не только содержание трудового законодательства, но и в каком историческом контексте оно существовало. Временное правительство, продолжая непопулярную войну, заведомо ставило себя в трудное положение, стремительно теряя доверие населения. *Потерю доверия в условиях войны невозможно было компенсировать качеством законодательства.* Распространению пропаганды леворадикалов содействовала и усиленная войной бедность значительной части пролетарской части рабочего социума.

Установление контроля над фабрично-заводскими комитетами (ФЗК) к лету 1917 г. позволило большевикам использовать масштабный рычаг воздействия на рабочие массы. Быстрая радикализация ФЗК, процесс постепенной большевизации Советов означали и переход части рабочих на леворадикальные позиции²⁵. На практике это означало, что ФЗК были превращены в барьер на пути реализации социального законодательства Временного правительства в сфере трудовых отношений. К сожалению, продолжение мировой войны существенно девальвировало правительственные социальные наработки весны-лета 1917 г. Целенаправленное использование леворадикальными силами этого главного просчета Временного правительства, активная эксплуатация общинных стереотипов поведения рабочих коллективов, включая бунтарство, позволили большевикам противопоставить солдатские массы – официальной власти, а часть рабочих – предпринимательским организациям.

Сильной стороной большевиков в 1917 г. стала способность сфокусировать и возглавить социальный протест *пролетарских слоев* рабочего класса. Этим можно объяснить, например, тот факт, что к октябрю 1917 г., по подсчетам Г. Л. Соболева, общее число рабочих, поддерживавших, *в той или иной степени* большевистский курс, составило, более 80 % всех пролетариев столицы²⁶. Однако возникает вопрос: какая часть рабочих России приняла *активное* участие в событиях конца октября 1917 г. Известна точка зрения С.В. Ярова о том, что в массе своей, за исключением отдельных отрядов рабочих-активистов и красногвардейцев, петроградский пролетариат не участвовал в Октябрьском вооруженном восстании²⁷.

Как известно, аксиомой для публикаций, посвященных истории Красной Гвардии и опубликованных в советское время, были утверждения о том, что «большевики создали по всей стране многотысячную Красную гвардию, как передовой отряд армии пролетарской революции»²⁸. Утверждение И.И. Минца о наличии в России к октябрю 1917 г. в отрядах Красной Гвардии не менее 200 тыс. вооруженных рабочих²⁹, по сути, превратилось в неоспоримую догму. Тем не менее, исследователи в 60-80-е гг. XX в.³⁰ вынуждены были все-таки отмечать два довольно различных массива красногвардейцев: первый – численность которого удалось установить на основании документальных источников и исторической литературы, и второй – с *предполагаемой* численностью. В научную литературу же вводилась **суммарная величина научных подсчетов и гипотетических предположений**. Так число *установленных* красногвардейцев накануне 25 октября 1917 г. составляло в Москве 3,5 тыс., «предполагаемых» – 5 тыс., «всего» – получалось 8,5 тыс. На Урале – 3 тыс., 5 тыс., 9 тыс.³¹ Несложно заметить, что число *документально установ-*

ленных красногвардейцев было почти *втрое меньше* абстрактной «общей величины».

Если в 404 отрядах Красной Гвардии – большинства подразделений Красной Гвардии в Европейской части страны (кроме Петрограда) – согласно абстрактной «общей величины» насчитывалось 47,5 тыс. красногвардейцев, то реально установленных красногвардейцев было всего 18 тыс.³²

Численность Красной Гвардии, согласно данным *в официальной советской литературе*, накануне Октября составляла в России **75 тыс.** человек, а в дни восстания – 200 тыс.; в том числе 40 тыс. – в Петрограде³³. Крупнейший специалист по этой проблеме – В.И.Старцев – еще в 1965 г. в весьма осторожной форме, отметил завышенность этих цифр, отчасти, в силу смешения понятий: рабочая милиция, заводская рабочая милиция и собственно Красная гвардия. По его подсчетам, накануне Октябрьских событий в 53 городах и промышленных центрах числилось около **26 тыс.** красногвардейцев, в том числе в Петрограде – 20 тыс., из которых 18 тыс. были вооружены; в Москве - 4 тыс. человек³⁴. Следует задуматься над приведенными цифрами. Из 26 тыс. реальных красногвардейцев России – 20 тыс. находились в столице. Немногочисленность участия рабочих России в захвате власти очевидна, за исключением (с большими оговорками) питерского пролетариата.

Военно-техническая подготовка восстания в Москве была значительно слабее, чем в Петрограде, отмечал в «юбилейном исследовании» 1957 г. Е.Ф. Ерыкалов. Красная Гвардия в Москве была *сравнительно малочисленна и плохо вооружена*³⁵.

Из официальных данных видно и то, что что две трети красногвардейцев Петрограда (в самой различной форме) были призваны в ряды Красной гвардии уже непосредственно в дни Октябрьского переворота. Вряд ли можно говорить о взвешенном продуманном выборе рабочих в обстановке многодневных экзальтированных митингов³⁶ и очевидного захвата власти.

Внимательное прочтение обстоятельного труда В.И. Старцева, посвященного составу Красной гвардии Петрограда³⁷, позволяет сделать выводы, сознательно заретушированные в советской историографии. Во-первых, уточнить данные о численности и вооружении красногвардейцев Петрограда к началу октябрьских событий 1917 г. Автор, на основе учета всех имеющихся источников, насчитал в столице к 23 октября 1917 г. 20 тыс. чел. красногвардейцев³⁸. За 23-31 октября 1917 г. в отряды Красной гвардии Петрограда вступили еще 12 тыс. чел. и на 31 октября в столице насчитывалось 32 тыс. красногвардейцев. Из них только 8-10 тыс. красногвардейцев приняли непосредственное участие в Октябрьском вооруженном восстании и 4-5 тыс.

красногвардейцев – в борьбе с восставшими юнкерами³⁹. Как видно, активное *вооруженное* участие в революционных событиях приняла примерно **половина красногвардейцев** столицы.

Следует сделать вывод о преобладании среди красногвардейцев молодых, политически неопытных людей. Так 54 % красногвардейцев столицы были моложе 25 лет, а 29 % – не старше 20 лет; только 29,9 % красногвардейцев родились в Петрограде. подавляющую часть (4/5) из 70 % красногвардейцев, родившихся за пределами Петрограда, составляли уроженцы сельской местности. Характерно, что на подавление первых антибольшевистских выступлений в ноябре – декабре 1917 г. были посланы в составе отрядов Красной гвардии еще более молодые рабочие: **47,8 % красногвардейцев оказались не старше 20 лет(!)**, а 73 % моложе 25 лет⁴⁰.

Подведем черту: рабочие России в своей массе довольно сдержанно откликнулись на призыв вступать в отряды Красной Гвардии. Определенным исключением являлся Петроград. В отрядах Красной Гвардии столицы, сыгравших *вспомогательную роль* в политическом перевороте в октябре 1917 г., преобладали молодые рабочие, уроженцы сельской местности, с небольшим стажем работы в промышленности. Именно в этой социальной группе большевистская пропаганда нашла наибольшее применение: почти половина красногвардейцев являлись членами партии большевиков⁴¹.

В такой ситуации **решающую роль в силовом захвате власти сыграли солдаты.** Мысль о значительной, и даже решающей, роли солдатских масс в событиях революции 1917 г. в России, начиная с 90-е гг. XX в., прочно вошла в статьи и монографии историков⁴².

Характерным можно считать такое положение: в Москве в октябрьских событиях участвовали 20 тыс. солдат и 5 тыс. вооруженных рабочих, при этом рабочие-красногвардейцы были полностью вооружены только 28-29 октября⁴³. Аналогичная картина была и в столице: основу наступающих отрядов на Зимний дворец составили солдаты трех полков Петроградского гарнизона и матросы 2-го гвардейского экипажа⁴⁴.

Октябрьский переворот в столице был только верхушечным явлением **социальной революции в России.** Водоворот мировой войны обусловил преимущественно антивоенный формат Октябрьской революции: выбраться из воронки цивилизационной катастрофы Россия могла уже только путем одностороннего выхода из войны. Все достижения довоенной модернизации (равно как и ее издержки) в конкретно-исторической ситуации осени 1917 г. стали вторичны. Антивоенный формат революции включил в себя требования по рабочему, крестьянскому и национальному вопросам, вошедшие в первые декреты Советской власти.

-
- ¹ Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900 –1914 гг. Л.,1976. С.142-143.
- ² Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России. // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861 – 1917. М. 1966. С. 81.
- ³ Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900 –1914 гг. С.142.
- ⁴ Бейлихис Г.А. Очерки истории охраны труда здоровья рабочих СССР. М., 1971. С.45.
- ⁵ Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социс. 2001. № 10. С.103.
- ⁶ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России конец 19 в. –начало 20в.). М., 1979. С.245, 249.
- ⁷ См.: Постников С.П., Фельдман М.А.. Социокультурный облик рабочих России в 1900-1941 гг. М., 2009. С.120-126.
- ⁸ Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900 –1914 гг. Л.,1976. С.144.
- ⁹ Рабочий класс в России 1907– 1917 гг. М., 1982. С. 62.
- ¹⁰ См.: Сигов В.П. Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала // Наемный труд в сельском хозяйстве Урала. Свердловск, 1926. С. 175 – 176.
- ¹¹ См.: Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск, 1996. С. 194 –201,209.
- ¹² Эктон Э. Новый взгляд на русскую революцию. Радел II. Рабочий вопрос. // Отечественная история. 1997. № 5. С.74.
- ¹³ Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900 –1914 гг. Л.,1976. С.144 -145. .
- ¹⁴ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2005. С. 165-174.
- ¹⁵ Айрапетов О.Г. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. (1907– 1917). М., 2003. С. 105, 151-156.
- ¹⁶ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С.472,477.
- ¹⁷ Волобуев П. В. Пролетариат и рабочие России в 1917 г.М.,1964. С.110-112.
- ¹⁸ Там же. С.136.
- ¹⁹ Там же. С.137, 142-143.
- ²⁰ Абрамовский А.П., Буданов А.В. Горные округа Южного Урала в 1917-1918 гг. Челябинск, 2007. С.47-48,51.
- ²¹ Орлова. Н.Е Социальная политика Временного правительства Март-октябрь 1917 г.// К истории русских революций. События, мнения, оценки. М., 2007. С.354.
- ²² Наемный труд в России и на Западе. 1913-1925 гг. (под ред. С.С. Струмилина). М.,1927. Ч.1. С.152.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С.157.
- ²⁵ Чураков Д.О. Русская революция и рабочие самоуправление. М., 1998.С.50,56.
- ²⁶ Соболев Г.Л. Петроградский авангард в1917 г.: революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб,1993. С.24-25.
- ²⁷ Яров С.В. Пролетарий как политик. СПб, 1999. С.7.
- ²⁸ Цыпкин Г.А., Цыпкина Р.Г. Красная гвардия - ударная сила пролетариата в Октябрьской революции: По материалам Центр. пром. р-на, Урала и Поволжья. М., 1977. С.15. Наиболее полно эта концепция была изложена в трехтомной истории Октябрьской революции. См.: Минц И. И. История Великого Октября.Т.1-3. М., 1967, 1968, 1973.
- ²⁹ Минц И.И. Об освещении некоторых вопросов истории Великой Октябрьской революции // Вопросы истории.1957. № 2. С.33.
- ³⁰ См.например: Цыпкин Г.А., Цыпкина Р.Г. Красная гвардия – ударная сила пролетариата

в Октябрьской революции. С.12.

³¹ Там же. С.114.

³² Там же.

³³ История советского рабочего класса в шести томах. Т.1. М., 1984. С. 81, 116.

³⁴ Старцев В.И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.-Л.,1965. С.195, 292.

³⁵ Ерыкалов Е.Ф. Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М., 1957. С.58.

³⁶ Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977. С.367-368.

³⁷ Старцев В.И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. Л., 1965.

³⁸ Там же. С.195, 228.

³⁹ Там же. С.200.

⁴⁰ Старцев В.И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. С.267-268, 282.

⁴¹ Там же. С.261.

⁴² См. например: Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия.М., 1997.

⁴³ Цыпкин Г.А., Цыпкина Р.Г. Красная гвардия – ударная сила пролетариата в Октябрьской революции. С.10,135.

⁴⁴ Революционный Петроград. Год 1917. С.339.